

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПОРЕФОРМЕННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В.Н. ФУРСОВ¹
А.В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН¹
Л.И. ПЛОТНИКОВА²

¹⁾ Воронежский государственный педагогический университет

e-mail: avrb64@mail.ru

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: plotnikova@bsu.edu.ru

Автор проанализировал влияние отмены крепостного права на социальную психологию русского крестьянства, характер и направленность изменений, и как данное обстоятельство проявилось в повседневности пореформенной деревни.

Ключевые слова: русская деревня, пореформенный период, отмена крепостного права, социальная психология крестьянства.

После отмены крепостного права в среде крестьян наблюдается быстрый рост самосознания, появляется чувство собственного достоинства, стремление к равенству и подлинной свободе. Уже современники видели, что крестьяне не похожи на вчерашних покорных рабов. «Прогресс в смысле сознания собственного достоинства – несомненный, – отмечал писатель-народник Н. Астырев, долгое время работавший писарем в Воронежской губернии, – и впечатление производит преотрадное»¹. Первые же пореформенные годы показали, что «мысль о новой воле глубоко вкоренилась во всех крестьянах»², находила проявление в целенаправленных действиях. В борьбе против помещиков крестьяне использовали статьи «Положений», которые регулировали их взаимоотношения с прежними владельцами. «Они при этом объявляют ни с чем не сообразное притязание и не признают других статей, обязывающих их к принятию некоторых условий»³. Донося об этом губернатору, мировой посредник Воронежского уезда считал, что такие статьи производят «замечательно вредное влияние» на крестьянскую психологию, способствуя развитию в ней новых черт⁴. Подобных фактов имелось немного и вряд ли стоит преувеличивать их значение. Но важен сдвиг, прогресс в сознании бывшего крепостного, раба, заявлявшего о своих правах. Это вело к росту чувства собственной значимости, показывало всему окружающему населению пути к подлинному освобождению. Психологическая перестройка также отражалась на отношениях, складывавшихся между крестьянством и помещичьими экономиями. Жандармский офицер писал 5 июня 1861 г. в III отделение из Курской губернии, что господские запашки «без помощи вольнонаемного труда убраны быть не могут», прежде всего, из-за преобладающего между крестьянами «нерасположения к прежним своим владельцам»⁵.

В крестьянской среде стало чаще проявляться стремление к равенству и полной свободе. «Крестьяне, – отмечалось в секретном архиве III отделения, – верят в свое равносильное право с помещиками и хвалятся иногда тем», что сами помещики ничего не могут сделать⁶. Свое равноправие в обществе они понимали иногда как возможность расследования и проведения суда над помещиками, привлекая для этого выборных лиц крестьянского самоуправления. Крестьяне помещицы Е.В. Янович

¹ Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 128.

² Российский Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 1017. Л. 9.

³ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 122. Л. 51.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 4 эксп. 1861 г. Д. 212. Л. 28.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 2083. Л. 4.

Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии во главе с волостным старшиной явились к ней, чтобы судить ее по жалобе дворовых людей и чтобы ей сделать наставление, сколько она может требовать рабочих дней от них⁷.

Во второй половине 1860-х – 1870-е гг. желание крестьян изменить свои поземельные права сделалось более общим. Менялась обстановка, другими становились люди, шел, хотя и медленно, процесс становления личности, не мирившейся с нарушением предоставленных законом прав. Среди многочисленных обращений в различные инстанции преобладали жалобы-просьбы, но уже появлялись жалобы-требования со ссылками на действующее законодательство. В сентябре 1864 г. временнообязанные помещиков Фокиных Корочанского уезда Курской губернии отказались переселиться из с. Старинова в с. Большое Городище. В жалобе губернскому присутствию они потребовали, ссылаясь на статьи 75, 85, 86 «Местного положения», чтобы помещик устроил на «свой счет на означенных местах новые строения, все обзаведения» или же выдал 250 руб. на каждый переселяемый двор, разрешил пользоваться своими огородами, конопляниками без всякого платежа. И хотя решением губернского присутствия от 21 августа 1865 г. «прошение, как неосновательное», было оставлено без последствий, как видим, крестьяне стремились использовать соответствующее законодательство для достижения целей⁸.

Многие сельские общества предъявляли судебные иски помещикам, пытаясь с помощью суда получить землю. «С этой целью, – доносил в июне 1869 г. в III отделение помощник начальника воронежского губернского жандармского управления по Острогожскому уезду, – крестьяне стали прибегать к помощи различных адвокатов и предлагать им от имени целых обществ огромные вознаграждения, доходящие иногда до 20 тыс. руб. серебром»⁹. В настоящее время, – отмечалось далее в отчете, – «многие сельские общества, как например: Ольховатка Острогожского уезда, Алексеевка Бирючинского и Уразовка Валуйского уже возбудили иски против бывших владельцев, и некоторые из них рассматриваются судом, и если хоть один из крестьянских исков разрешится в их пользу, то число тяжущихся значительно увеличится, что не только повредит общему спокойствию, но принесет вред материальный, потому что крестьяне, предпринимая подобные дела, обыкновенно тотчас же перестают вносить повинности и упорство их не имело до сих пор силы только благодаря неуверенности в благоприятном исходе их дела»¹⁰. В 1872 г. «крестьяне хут. Кулешова Валуйского уезда завели спор с соседними владельцами за землю в количестве 1 874 десятины будто бы неправильно от них отчужденную»¹¹. Дело приняло судебный характер и поступило для разбирательства в Острогожский окружной суд, в котором крестьяне упорно отстаивали свои интересы. Подобные факты были не единичны¹² и свидетельствовали о прогрессивных изменениях в сознании крестьян. Участие в судебных делах предполагало не только знание законов, но и твердость духа, стремление до конца бороться за права личности и всей общины.

В 1880–1890-е гг. обстановка в деревне стала совсем другой, да и былая покорность мужика таяла как весенний снег, уступая место осознанному пониманию им своего значения в обществе. Перемены в психологии, первоначально незначительные и неясные, теперь оформляются в совершенно определенные взгляды и приобретают вполне четкое направление: от робких просьб и пожеланий крестьяне переходят к открытым угрозам и готовности к всеобщему возмущению. Жители сл. Трудолюбивки 1-й Воронежского уезда Воронежской губернии в ответ на сокращение владельцем арендной земли в ноябре 1899 г. «сначала отдельно стали заяв-

⁷ ГАВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 109. Л. 11 об.

⁸ Государственный архив Курской области. Ф. 68. Оп. 4. Д. 379. Л. 4–4 об.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1869 г. Д. 5. Ч. 41. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 11–12.

¹¹ Там же. 4 эксп. 1872 г. Д. 99. Л. 21.

¹² Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 111, 160; ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1871 г. Д. 141.

лять неудовольствия и робко высказывать угрозы, а потом и целыми сходами угрожали выжечь экономию»¹³. А угрозы крестьян сл. Михайловки Павловского уезда той же губернии перешли «в дневные и ночные нападения на служащих хутора, побои служащих и урядника, стрельяние в служащих и, наконец, разгон служащих под страхом быть убитыми»¹⁴. Арендатор в телеграмме губернатору от 16 мая 1898 г. прямо считал «михайловцев готовыми к поголовному возмущению»¹⁵. На сходе, когда он обратился к крестьянам: «Вы ребята», «тотчас поднялся крик, толпа как один человек взбунтовалась, как бы готовая кинуться на него и грозно загудела: «Какие мы тебе ребята, ребята – дети, а мы седые старики, как ты мещанин какой-то смеешь нас так обзывать». Едва удалось непременно члену успокоить толпу, заставив арендатора взять неудачное выражение назад»¹⁶. Здесь вполне справедливо звучит мысль, высказанная и.д. воронежского губернатора в письме министру внутренних дел, что «чем дальше, тем больше народ ознакомляется с своим правом и более ожесточается против незаконных действий»¹⁷. В отношении воронежского губернатора министру внутренних дел от 18 июля 1899 г. приводится интересный факт, свидетельствовавший о переменах в крестьянской психологии. Во время разбирательства волнения на х. Колбинском Острогжского уезда один из его жителей заявил становому приставу: «Распускают слух, что нас будут унимать солдатами, теперь такого закона нет, мы теперь вполне свободны, не то, что в старину. Царь нас не стесняет, можно говорить как угодно с господами»¹⁸. Неслучайно, жандармский офицер писал из Воронежской губернии в III отделение: «Уже времена изменились, и вместо избитых, раздавленных рабов» помещики встречали в деревне «бодрое молодое поколение, готовое постоять за свои права человека и гражданина»¹⁹.

Психологически перестраиваясь, крестьяне настойчиво требовали выполнения своих представлений о настоящей воле. При том они проявляли дух солидарности, единства и решительности в борьбе, убеждение в правоте выдвигаемых требований, настойчивость и упорство в достижении целей.

Волнения в Бобровском уезде Воронежской губернии в марте 1861 г. отличались исключительным стремлением их участников к единству действий, на что указывало установление связи между отдельными деревнями. «Связь их между собой, – доносил генерал-майор свиты П.К. Мердер царю, – доказывается постоянными их сношениями, так что во все время пребывания нашего в Курлаке туда каждую ночь секретно приезжали посланные из Тишанки, а когда мы были в сем последнем имении, то те же сношения были из Новой Чиглы»²⁰.

Во время происходивших в августе 1861 г. беспорядков в ряде имений Знаменской волости Малоархангельского уезда Орловской губернии крестьяне, до 800 душ м.п., договорились между собой отбывать господские издельные повинности не по высочайше утвержденному Положению. При обработке полей «они ставили на десятину сох и борон по одной более прежнего, хлеб возили с поля с 2 тягол по две, а не по три подводы, отбывали барщину по три с тягла в неделю и не в те дни, которые помещики назначали, на работу выходили весьма поздно и уходили с работы, когда кому заблагорассудится, нанятых на работу посторонних людей, обругав, прогнали и работать не допустили»²¹. Крестьяне, почувствовав себя людьми, на увещевания жандармского офицера в присутствии воинской команды гордо заявили, что «будут так

¹³ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 301. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 250. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 3 д-во. 1899 г. Д. 1. Ч. 40 «В». Л. 44.

¹⁷ Там же. Л. 40.

¹⁸ Там же. Л. 40 об.

¹⁹ Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. М., 1959. С. 423.

²⁰ Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. М.–Л., 1949. Ч. 1–2. С. 48.

²¹ Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. М., 1964. С. 87.

работать, как между собою условились, и требования его исполнять не намерены». Но слишком слабы были еще ростки свободы, хотя непокорный дух крестьянского сознания страшил местное начальство и помещиков, прибегнувшим к испытанному средству – розгам. После наказания 12 человек «крестьяне просили прощения у мирового посредника и обязались свято исполнять все его приказания»²².

Последовательно и единодушно действовали крестьяне Еленовской волости Богучарского уезда, где «высказался дух противоречия, настойчивости и дерзкого отречения не только в настоящее время (сентябрь 1862 г. – В.Ф.), но и в будущем от всех своих обязанностей»²³. Особенно дружно выступили жители хут. Ивановки, единогласно заявившие, что никогда не будут работать по уставной грамоте, «а земли ни получать, ни пахать не хотят». По мнению мирового посредника, Ивановское общество, бывшее главной пружиной волнения, «не заслуживает никакого снисхождения, как отличающееся всегдашним своеволием и дерзостью»²⁴. С помощью войск порядок был восстановлен. Таким образом, уже в эти годы крестьяне, начиная понимать, что сила в единстве, стремились хоть в какой-то степени согласовать свои действия, выступить совместно, предъявить единые требования и добиваться их выполнения. Но пока сделать это удавалось крайне редко. По-существу, мы наблюдаем лишь первые попытки солидарности. Но и они важны, ибо позволяют увидеть данный процесс в динамике и понять его значение в крестьянской жизни.

Влияние социальной психологии в отстаивании крестьянами своих прав можно проследить и в последующие годы. 2 июня 1864 г. Белгородский уездный исправник донес рапортом курскому губернатору о решительном отказе крестьян сл. Шопиной и Терновки «от платежа не только оброка, но и казенных податей»²⁵. 20 июля на место событий прибыли вице-губернатор и штаб-офицер губернаторского жандармского управления. Но увещевания их «были тщетны и грубая толпа оставалась упорною». Наконец, – писал жандармский офицер в III отделение, – «дознано было мною, что крестьяне сих слобод дали между собою клятвенное обещание не исполнять никаких требований властей»²⁶. При таких обстоятельствах вице-губернатор, вытребовав воинскую команду, наказал нескольких человек. Того же дня все платежи были внесены. Однако волнение продолжалось с перерывами до марта 1867 г. В целом же, такие события показывали возможности объединенных усилий коллективов, становились примером стойкости для окружающих селений.

Весной 1885 г. 22 общества Рыльского и Путивльского уездов с населением от 25 до 30 тысяч душ обоего пола приступили к систематическим захватам земель помещика Терещенко. Особенно выделялись упорством и решительностью жители с. Глушково и Веселое, д. Мужичи. «Дух непокорности так глубоко проник в крестьянскую среду этих обществ, – отмечал курский губернатор в отношении от 27 марта 1886 г. министру внутренних дел, – что они надменно заявляли о нежелании повиноваться не только сельскому, но и полицейскому начальству и о своем решении приступить к ряду противозаконных действий: 1) составить протокол о смене волостных старшин и сельских старост до наступления сроков окончания их службы; 2) к открытому сопротивлению (в с. Веселом) требованию мирового суда о высылке к нему их отставного рядового Борошенко и 3) к завладению предстоящей весной землею г. Терещенко для запашки»²⁷. В Рыльский уезд направляется 8 эскадронов кавалерии и 6 батальонов пехоты, которые ввиду упорства крестьян, «довольствовались на счет неповинующихся обществ». 8 апреля 1886 г. на сходе они объявили, что «захваты-

²² Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. М., 1964. С. 88.

²³ Крестьянское движение в Воронежской губернии в 1861–1863 гг. Воронеж, 1961. С. 89.

²⁴ Там же. С. 90.

²⁵ ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1864 г. Д. 191. Л. 9 об.–10.

²⁶ Там же. Л. 10–11 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 2 д-во. 1886 г. Д. 158. Ч. 15. Л. 8 об.–9.

вать земли не намерены, а будут только ходатайствовать об ней установленным порядком»²⁸.

В конце XIX в. предметом крестьянских притязаний все чаще становятся участки земли, никогда не находившиеся в их фактическом владении. В таких случаях требовалось особое единодушие и решительность. Обратимся к анализу событий, начавшихся в конце июня 1899 г. в Кромском уезде Орловской губернии с предъявления местному землевладельцу требования о передаче обществу с. Шахова 16 дес., менее удаленных от места жительства. Получив отказ, крестьяне скосили рожь и траву и не позволили полицейским чинам прекратить указанные работы, а также арестовать активистов. Они были «убеждены, что раз насильственные действия и сопротивление оказано всем обществом, то таковое не может быть ответственно за свои действия и не подлежит суду»²⁹. Исправнику заявили, что «добровольно никого не выдадут, если же он желает, то пусть арестует все общество, состоящее примерно из 100 домохозяев»³⁰. Прибывший 29 июля губернатор в присутствии 2 рот 142 пехотного Звенигородского полка не смог убедить крестьян выдать руководителей, продолжавших говорить: «Берите все общество». С помощью военной команды он арестовал 12 человек, шесть из которых Харьковской судебной палатой были приговорены к тюремному заключению сроком до одного года и четырех месяцев, четверо – к заключению в арестантские роты сроком до трех месяцев³¹. В отношении от 30 июля 1899 г. губернатор писал министру внутренних дел: «Когда 12 человек зачинщиков были арестованы, я вновь повторил обществу о том, что всякая собственность должна быть неприкосновенна, и что всякие самоуправства будут строго наказуемы»³². Такие проявления новых черт психологии приобретали особый резонанс в деревне, привлекая к себе всеобщее внимание, ставили вопрос о существовании помещичьей собственности и, объективно, о ее ликвидации. Как видим, многие элементы социальной психологии крестьян – упорство, решительность, настойчивость, потребности и интересы – оказывали самое непосредственное воздействие на положение дел в русской деревне.

В пореформенные годы постепенно изменяется отношение крестьян к властям. Прежней боязни и преклонения уже не наблюдалось. По свидетельству современников, «детски-наивные представления о представителях власти исчезли», чиновники «страха прежнего не возбуждают»³³. И если раньше они могли прижать безответных крестьян, то теперь «мужики с ними и говорить не хотят, – подчеркивалось в агентурных записках III отделения, – теперь еще того и гляди, что мужик схватит за ворот»³⁴. В общественном мнении деревни формировалось представление о том, «что занимаемая должность – это не лакомое блюдо, благодаря которому можно жиреть и наживаться, да тешить свое самолюбие, это крест, крест тяжелый, неся который, начальник и судья должны заботиться об уничтожении грез и слез среди подчиненных, забывая о счастья своем»³⁵. Постепенно безгласность уходила в прошлое, распространялось неповиновение предписаниям полиции, земских начальников, волостных старшин. Так, сельский сход с. Круглого Козловского уезда Тамбовской губернии 2 июля 1895 г. в составе 296 человек не только не выполнил приказание земского начальника о выдаче «ослушников», но и заставил его удалиться, избил ставшего на сторону начальства старосту³⁶. В сознании крестьян, воспитанных в духе покорности и страха, происходили важные изменения: борясь за свои права, они стремились к равенству и подлинной свободе. Неслучайно, воронежский губернатор в отношении

²⁸ Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. М., 1960. С. 464.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 3 д-во. 1899 г. Д. 1. Ч. 81 «В». Л. 7 об.–8.

³⁰ Там же. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 8 об.

³² Там же. Л. 10 об.

³³ Там же. Л. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 2083. Л. 5.

³⁴ Там же. Д. 2044. Л. 4.

³⁵ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 141. Л. 5 об.

³⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4553. Л. 1–1 об.

министру внутренних дел от 19 мая 1899 г. писал, что крестьяне «с неудовольствием и недоверием встречают всякие мероприятия местных властей, направленные к поддержанию в их среде порядка и законности»³⁷.

Как видим, социально-психологические факторы занимали значительное место в крестьянской повседневности, в большинстве случаев возникая совершенно бессознательно. Именно безотчетность, инстинктивность и неосознанность настроений и действий составляли характерную черту психологии крестьянства данного периода. В целом их следует определить понятием «стихийность». Однако это вовсе не означало, что «стихийность» характеризовала поверхностные явления. Наоборот, стихийность движения подчеркивала прочность его корней и неустранимость, глубину его проникновения в массы. «Стихийный элемент» представлял, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности. Крестьяне постепенно порывали с рабской покорностью перед начальством и помещиками, что усиливало остроту аграрных отношений в пореформенной деревне.

SOCIAL PSYCHOLOGY AND POST-REFORM DAILY LIFE OF PEASANT

A.V. PEREPELTSIN¹

V.N. FURSOV¹

L.I. PLOTNIKOVA²

¹⁾ Voronezh State Pedagogical University

e-mail: avp64@mail.ru

²⁾ Belgorod National Research University

e-mail: plotnikova@bsu.edu.ru

The author has analysed the impact of serfdom abolishment on Russian peasant social Psychology, the character and direction of the changes and how this fact has manifested itself in a post-reform village.

Key words: Russian village, post-reform period, abolition of serfdom, social psychology of peasant.

---

³⁷ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 299. Л. 15.